

ЗАБЫТАЯ ВОЙНА. К 100-ЛЕТИЮ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ

УДК 94(470)19)

РОССИЙСКИЙ ПЛЕН 1914–1917 ГГ.: ПРОБЛЕМА ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЙ АТРИБУЦИИ

Н.В. Суржикова

Институт истории и археологии
Уральского отделения РАН,
Екатеринбург

snvplus@mail.ru

В статье рассматривается проблема применимости термина «лагерь» для описания структур, созданных для военнопленных Первой мировой войны в России. Использование понятия «лагерь» современниками, констатирует автор, являлось лишь негласной конвенцией. На самом деле институциональная среда плена, помимо собственно лагерей, была представлена различными структурами, артикуляция которых проблематична из-за очевидной аморфности как «лагереобразных», так и «внелагерных» объективаций плена. Это особенно актуально применительно к пребыванию пленников на промышленных, строительных и сельскохозяйственных работах, а также транспорте, где условия содержания обезоруженных вражеских военнослужащих значительно отличались друг от друга. В этой связи унифицирующий потенциал термина «лагерь» не просто не очевиден – он представляется весьма сомнительным и явно требует своей конкретизации. В условиях очевидной проблемности концепта «лагерь» автор предлагает говорить о процессе «лагеризации» плена, определяя его градус развитостью или неразвитостью практик.

Ключевые слова: Первая мировая война, российский плен, военнопленные, институциональная среда, лагерь, места постоянного водворения, лагеризация.

Тема российского плена 1914–1917 гг. безусловно не относится к числу «заповедных». Посвященные ей работы исчисляются сотнями, что создает обманчивое впечатление освоенности ретроспективной проблематики [21, с. 16–73, 374–408]. Впечатление это тем более усиливается, что основой для специальных работ на тему плена является бесконечно богатый источниковый материал, представленный документами многочисленных архивов. Благодаря их источникам, из документа в документ рутинно воспроизводящим термин «лагерь», он при анализе реалий российского плена 1914–1917 гг. остается наиболее употребляемым. Наиболее активно им «злоупотребля-

ют» западные историки, что обусловлено, по всей видимости, относительно устойчивой немецкоязычной традицией изучения отдельных лагерей пленников Первой мировой войны [27, 29, 30, 32, 34, 36, 37]. Между тем при более пристальном рассмотрении названных выше источников трудно не заметить, что использование понятия «лагерь» для описания структур, созданных в годы Первой мировой войны для содержания пленников иностранцев, являлось не более чем негласной конвенцией и потому институциональной среды российского плена в полной мере не раскрывает. Действительно, по сведениям Военного ведомства, для оказавшихся в России сотен тысяч

вражеских военнопленных к началу 1916 г. было оборудовано порядка 250 пунктов приема и содержания, среди которых выделялись сборные пункты театра войны, внутренние сборные пункты, концентрационные лагеря и так называемые места постоянного водворения, подразделявшиеся на районы размещения офицеров и районы размещения нижних чинов [19, л. 1–6 об., 12–13]. Альтернативные источники свидетельствуют, что даже если объединить все перечисленные структуры понятием «лагерь», институциональная среда российского плена все равно останется не до конца описанной. Так, по данным, полученным австро-венгерской цензурой на основе анализа писем пленников, уже в 1915 г. военнопленные в России были размещены не менее чем в 891 месте, из которых только 317 позиционировались как «места постоянного водворения» и только 68 – как лагеря [35, с. 89]. Как же артикулировать оставшиеся порядка 500 прибежищ пленников, если это были не концентрационные лагеря и не поуздно расположенные места водворения узников войны?

Речь в данном случае шла, вероятно, о местах работ, на которых пленные иностранцы начали активно использоваться с 1915 г. Очевидно при этом, что те структуры, которые возникали непосредственно в районах трудового использования отвоёванных солдат противника, лагерями военнопленных могли и могут именоваться лишь условно. Это была альтернативная лагерям, параллельно созданным по линии военного ведомства, сеть мест водворения военнопленных, конфигурации которой определяли региональные экономические элиты, активно пользовавшиеся возможностью вовлечения пленных в трудовые процессы. Подавляющее большинство трудо-

вых лагерей военнопленных (за исключением тех, которые возникли при казенных предприятиях), таким образом, оказалось выведено из прямого подчинения государству и без сомнения являло собой весьма пеструю картину, с трудом поддающуюся реконструкции. Распределенные по малым, средним и крупным предприятиям пленные оказывались зачастую в совершенно разных условиях содержания и обеспечения, задаваемых не столько диктуемой «сверху» логикой их унификации, сколько характером и возможностями того или иного хозяйствующего субъекта. «Опыт применения труда военнопленных на различных работах выяснил крайнее разнообразие постановки этого дела в различных местностях Империи», – гласил циркуляр Министерства торговли и промышленности от 27 июня 1916 г. [7, л. 19–20]. Время показало, что ни этот документ, ни его многочисленные более поздние аналоги, нацеленные на наведение в деле администрирования труда и жизнеобеспечения пленных хотя бы относительного порядка, ситуации не изменили. «Учрежденные общие правила содержания военнопленных на работах, кои своевременно преподаны были на места для руководства ими, на самом деле исполняются работодателями чрезвычайно разнообразно», – не без некоторого уныния констатировал 17 октября 1917 г. начальник штаба Казанского военного округа [7, л. 124].

Унифицирующий потенциал термина «лагерь», используемого для описания реалий российского плена, покажется еще более ничтожным, если принять во внимание тот факт, что порядка 60 % всех пленных в России использовалось на сельскохозяйственных работах [2, с. 96; 13, с. 55]. «Выпавшие» таким образом из лагерных струк-

тур пленники зачастую становились едва ли не полноправными членами крестьянских семей и тем самым подвергали сомнению не только «лагерность» плена, но и «пленность» как таковую [12; 15; 16]. В этой связи вполне уместно процитировать военнопленного мадьяра Имре Беретващ, который, ходатайствуя о советском гражданстве в 1926 г., в частности, писал: «В деревню Мишагину [Шадринского уезда Пермской губернии – С.Н.] я приехал ... как военнопленный, ... на полевые работы ... Нас приезжало четыре человека, я ... оставался работать у гражданина Мишагина Василия Григорьевича, но, побыв у него один месяц, перешел к гражданке Мишагиной Агафье Игнатьевне, у которой в то время мужа не было, потому я начал работать у нее в хозяйстве и до настоящего времени нахожусь у ней, потому как ее муж со службы не вернулся, и я с ней живу как с женой уже восьмой год...» [11, л. 7, 14].

Очевидная узость «лагерного дискурса» экспонирует тот факт, что территория российского плена 1917–1917 гг. не отличалась однородностью, будучи изрезана всевозможными границами, фиксировавшими, в свою очередь, существование на этой территории своих центров и окраин, столиц и захолуствий, метрополий и колоний. В их иерархии, формируя весьма причудливый рисунок плена, соседствовали самые разные структуры, в различной степени дистанцированные от лагерей, традиционно трактуемых в качестве «классической матрицы плена» (Г. Дэвис) [26, с. 167]. Стоит ли удивляться, что в литературно оформленных переживаниях оказавшихся в России узников войны плен, как подметили В. Мориц и Х. Лейдингер, выступал не столько как «жизнь лагеря», сколько как «история будней, подчиненных работе», ча-

стые перемены которой объясняли частую перемену мест [28, с. 17, 20, 21].

К слову сказать, вывод российского плена за пределы лагерных структур позволяет опровергнуть расхожее мнение зарубежных специалистов, в частности Р. Нахтигала, о запоздалом интересе к трудоиспользованию пленных в России и его более скромных масштабах, нежели, скажем, в Германии [31, с. 23–24]. На самом деле в этом отношении развитие российского плена вполне соответствовало «стандарту», выработанному в так называемых центральных державах, став уже с весны 1915 г. прагматически ориентированным, что позволило интегрировать в трудовые процессы порядка 89,5 % обездоруженных солдат противника, находившихся к 1 января 1918 г. на территории военных округов [4, л. 4]. В этой связи не будет преувеличением сказать, что, несмотря на системные, функциональные и логистические различия своих составляющих, институциональная среда российского плена ориентировала его прежде всего на определенную экономическую миссию, тогда как все его прочие «ипостаси» играли безусловно важные роли, остававшиеся, однако, ролями второго плана [22, с. 247–266; 23, с. 44–56].

Сообразуясь со всем вышесказанным, следует признать, что широкое употребление категории «лагерь» для описания природы и сущности российского плена 1914–1917 гг. в каждом конкретном случае требует своего пояснения. Вместе с тем с пригодностью термина «лагерь» для характеристики пребывания военнопленных Первой мировой войны в России можно согласиться не только при постоянных оговорках конкретизирующего плана. Думается, что понятие «лагерь» можно считать вполне рабочим при условии его использования не

для описания тех или иных локаций плена, а для маркирования тех практик охранения, дисциплинирования, наказания пленников, которые позволяют сравнить российский плен 1914–1917 гг. с любым другим опытом «массового насилия» (М. Фуко) [24]. При этом, однако, уместно будет говорить не столько о лагерях военнопленных, сколько о процессе «лагеризации» плена, демонстрирующем, какие пристанища пленных в России были лагерями в большей степени, а какие – в меньшей. Ярким примером здесь могут служить места водворения пленных в горнозаводских районах Уральского региона, где высокий градус «лагеризации» плена был вполне осязаем и где плен медленно, но верно эволюционировал в сторону репрессии. Здесь и прежде всего в Богословском горном округе, а также Нижнетагильском и Луньевском округах наследников П.П. Демидова, князя Сан-Донато, «изобрели», к примеру, то, что в системе подразделений Главного управления по делам военнопленных и интернированных НКВД/МВД СССР будет именоваться штрафными лагерными отделениями. Здесь же, а также на предприятиях Верх-Исетского горного округа и Пермского управления земледелия и государственных имуществ бытовала практика наказания провинившихся пленников посредством урезания их заработка и/или продовольственного пайка [5, л. 278; 6, л. 8–9; 8, л. 17; 9, л. 25; 10, л. 16]. Особенно преуспел на этом поприще А.А. Дубенский, возглавлявший последнее из названных предприятий. По его указанию в сентябре 1915 г., в нарушение всяких законодательно закрепленных принципов и норм, «для единообразного и правильного вознаграждения» занятых на казенных лесных работах военнопленных все они были разделены на

пять категорий, получая соответственные их труду пищевые порции. Помимо того, при распределении по помещениям рабочим 1-го и 2-го разрядов полагались самые удобные и теплые бараки, а также самые лучшие одежда, белье и обувь [3, с. 18–19] – всё или почти всё, как в советской системе лагерей для военнопленных Второй мировой войны [17, л. 118; 18, л. 48].

Приведенные факты, казалось бы, легко вписываются в хорошо известную специалистам теорию прототипа, предложенную в 1983 г. американским историком П. Пастором. Он, в частности, утверждал, что лагерь для военнопленных Первой мировой войны в России являли собой образец объектов заключения «нового типа», схожий с лагерями сталинского ГУЛАГа и гитлеровскими концлагерями смерти. Вопреки утверждению А.И. Солженицына, этот «новый тип» пенитенциарных учреждений, по версии П. Пастора, сформировался задолго до коммунистов, еще при царском режиме, позволяя говорить о своеобразном архипелаге военнопленных [33, с. 114]. Между тем и сегодня напоминающая о себе теория прототипа П. Пастора с его архипелагом военнопленных адекватна лишь в том, что такой архипелаг действительно был [14, с. 26–27; 25, с. XV, XXVII, XXXIII; 31, с. 48, 89–92, 134; 35, с. 78–82]. Но разноеобразие, свойственное институциональной среде российского плена 1914–1917 гг., показывает, что для складывания однообразно ориентированных практик содержания пленников этого было слишком мало. Местные проявления «лагеризации» плена едва ли складывались в общую систему типично лагерных форм контроля и насилия, тем более не очевидную за аморфностью самой категории «лагерь», не имеющей, по определению А. Рачамимова, определен-

ного лица. Несмотря на то что многое – действительно многое – в российском плену 1914–1917 гг. вызывает образы последующих тоталитарных жестокостей, продолжает А. Рачамимов, речь в данном случае может идти лишь о внешнем сходстве [35, с. 79, 80]. Оно же, как представляется, было просто неизбежным в силу общего вектора развития не только карательных, а точнее властных практик в мире, но и мира как такового. И при всей специфичности развития российского плена 1914–1917 гг. оно лишь экспонировало важнейшие социальные интуиции своего времени, когда человечество, по ощущению художника, отступило «перед диким и нетерпимым казарменным идеализмом, стремящимся исправить нынешний мир» [20, с. 171], и концлагерь, по мысли философа, оказался «тайной парадигмой политического пространства современности» [1, с. 156–157].

Литература

1. *Агамбен Дж.* Homo Sacer. Суверенная власть и голая жизнь. – М.: Европа, 2011. – 256 с.
2. *Анфимов А.М.* Российская деревня в годы Первой мировой войны (1914 г. – февраль 1917 г.). – М.: Политиздат, 1962. – 383 с.
3. Г.г. лесничим, имеющим военнопленных: Циркуляр № 308 от 24 сентября 1915 г. Циркуляры начальника Пермского управления земледелия и государственных имуществ о порядке использования труда военнопленных за 1915 год (с приложениями). – Пермь, 1916. – С. 16–19.
4. ГА РФ (Государственный архив Российской Федерации). Ф. Р-3333. Оп. 3. Д. 575.
5. ГАПК (Государственный архив Пермского края). Ф. 65. Оп. 3. Д. 593.
6. ГАПК. Ф. 65. Оп. 5. Д. 165.
7. ГАСО (Государственный архив Свердловской области). Ф. 24. Оп. 20. Д. 2825.
8. ГАСО. Ф. 45. Оп. 1. Д. 228.
9. ГАСО. Ф. 55. Оп. 2. Д. 1128.
10. ГАСО. Ф. 643. Оп. 1. Д. 3995.
11. ГАШ (Государственный архив в г. Шаринске). Ф. Р-257. Оп. 2. Д. 104.
12. Зауральский край. 1915. 21 мая.
13. *Китанина Т.М.* Война, хлеб и революция. – Л.: Наука, 1985. – 384 с.
14. *Котек Ж., Ригуло П.* Век лагерей: Лишение свободы, концентрация, уничтожение. Сто лет злодеяний. – М.: Текст, 2003. – 686 с.
15. Пермская земская неделя. 1915. 26 февр.
16. Пермская земская неделя. 1916. 24 апр.
17. РГВА (Российский государственный военный архив). Ф. 1п. Оп. 15а. Д. 341.
18. РГВА. Ф. 1п. Оп. 19а. Д. 20.
19. РГВИА (Российский государственный военно-исторический архив). Ф. 2000. Оп. 6. Д. 167.
20. *Ремарк Э.М.* Возлюби ближнего своего. Романы. – М.: Lexica, 1993. – 734 с.
21. *Суржикова Н.В.* Военный плен в российской провинции (1914–1922 гг.). – М.: Политическая энциклопедия, 2014. – 423 с.
22. *Суржикова Н.В.* Российский плен 1914–1917 гг. как пространство политико-идеологических манипуляций: теории центра и практики периферии. *Cahiers du Monde russe*. 53/1 (2012). С. 247–266.
23. *Суржикова Н.В.* Российский плен 1914–1922 гг.: социологическое измерение (по материалам Урала). *Вестн. Российского ун-та дружбы народов*. Сер.: История России. – 2012. – № 4. – С. 44–56.
24. *Фуко М.* Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. – М.: Ad Marginem, 1999. – 480 с.
25. *Applebaum A.* GULAG: A History. – London: Doubleday, 2003. – 677 p.
26. *Davis G.* The life of Prisoners of War in Russia 1914–1921. *Essays on World War I: Origins and Prisoners of War*. Samuel R. Williamson, Jr. and Peter Pastor, ed. – New York: Columbia University Press, 1983. – P. 163–197.
27. *Höp G.* Muslime in der Mark. Als das Kriegsgefangene und Internierte in Wünsdorf und Zossen, 1914–1924. – Berlin: Das Arabische Buch, 1997. – 221 s.

28. In russischer Gefangenschaft: Erlebnisse österreichischer Soldaten im Ersten Weltkrieg / Hrsg. von Leidinger Hannes; Hrsg. von Moritz Verena. Wien; Köln; Weimar: Bohlau, 2008. 292 s.
29. Ingolstadt im Ersten Weltkrieg, das Kriegsgefangenenlager: Entdeckung eines Stückes europäischer Geschichte. Ingolstadt: Stadtmuseum Ingolstadt, 1999. – 210 s.
30. *Kob R.* Im Hinterhof des Krieges: Das Kriegsgefangenenlager Sigmundsherberg. – Klosterneuburg: Koch, 2002. – 317 s.
31. *Nachtigal R.* Kriegsgefangenschaft an der Ostfront 1914–1918. Literaturbericht zu einem neuen Forschungsfeld. – Frankfurt am Main: Peter Lang, 2005. – 162 s.
32. *Otte K.* Das Lager Soltau. Das Kriegsgefangenen- und Interniertenlager des Ersten Weltkriegs (1914–1921). Geschichte und Geschichten. – Soltau: Mundschenk, 1999. – 320 s.
33. *Pastor P.* Introduction. Essays on World War I: Origins and Prisoners of War. Samuel R. Williamson, Jr. and Peter Pastor, ed. – New York: Columbia University Press, 1983. – P. 113–117.
34. *Peter A.* Das «Russenenlager» in Guben. Potsdam: Brandenburgische Landeszentrale für Politische Bildung, 1998. – 148 s.
35. *Rachamimov A.* POWs and the Great War: Captivity on the Eastern Front. – New York: Berg, 2002. – 259 p.
36. *Treffer G.* Die ehrenwerten Ausbrecher. Das Kriegsgefangenenlager Ingolstadt im Ersten Weltkrieg. – Regensburg: Pustet, 1990. – 336 s.
37. *Wiesenhofer F.* Gefangen unter Habsburgs Krone. K.u.k. Kriegsgefangenenlager im Erlaufthal. – Purgstall: Wiesenhofer, 1998. – 423 s.

RUSSIAN CAPTIVITY OF 1914–1917: THE PROBLEM OF INSTITUTIONAL ATTRIBUTION

N.V. Surzhikova

Institute of History and Archaeology
of the Ural Branch of the Russian
Academy of Sciences,
Ekaterinburg

snyplus@mail.ru

The article deals with the problem of possibility to apply the term «camp» for describing structures created in Russia for the World War I POWs. According to the author, contemporaries used the term «camp» as a tacit convention. In addition to the proper camps institutional environment of captivity was represented by different structures which articulation is problematic due to apparent amorphism of «camp-like» and «off-camp» captivity objectifications. This is especially true with reference to prisoners who were employed in industry, construction and agriculture as well as transport, where living conditions of disarmed enemy soldiers varied significantly. In this regard, not only the unifying potential of the term «camp» is not incontrovertible – it appears to be rather doubtful and by all means requires its specification. Owing to the obvious inadequacy of the «camp concept», the author proposes speaking of the process of «campization» of captivity defining its extent by maturity of practices that make possible to compare Russian captivity of 1914–1917 with any other experience of «mass violence».

Keywords: World War I, Russian captivity, prisoners of war, institutional environment, camps, places of permanent settlement, campization.

References

1. Agamben Dzh. *Homo Sacer. Suverennaja vlast' i golaja z'bizn'* [Sovereign Power and Bare Life]. Moscow: Izd-vo «Evropa» Publ., 2011. 256 p.
2. Anfimov A.M. *Rossijskaja derevnja v gody pervoj mirovoj vojny (1914 – fevral' 1917 gg.)* [Russian village during World War I (1914–February, 1917)]. Moscow: Politizdat Publ., 1962. 383 p.
3. *To Messrs. Lesnichim, imejushchim voennoplennyh: Cirkuljar № 308 ot 24 sentjabrja 1915 g. Cirkuljary nachal'nika Permskogo upravlenija zemledelija i gosudarstvennyh imushhestv o porjadke ispol'zovanija truda voennoplennyh za 1915 god (s prilozhenijami)* [Foresters who have POWs: Circular no. 308 dated September 24, 1915. Cirkuljary nachal'nika Permskogo upravlenija zemledelija i gosudarstvennyh imushhestv o poryadke ispol'zovanija truda voennoplennyh za 1915 god (s prilozhenijami).] Perm', 1916 (Circuljars of the Perm administration of agriculture and state property head on the order of POWs labor application, 1915 (with supplement). Perm, 1916). P. 16–19.
4. GA RF (Gosudarstvennyj arhiv Rossijskoj Federacii [State Archive of the Russian Federation]). F. P-3333. Op. 3. D. 575.
5. GAPK (Gosudarstvennyj arhiv Permskogo kraja [State Archive of Perm Region]). F. 65. Op. 3. D. 593.
6. GAPK. F. 65. Op. 5. D. 165.
7. GASO (Gosudarstvennyj arhiv Sverdlovskoj oblasti [State archive of Sverdlovsk region]). F. 24. Op. 20. D. 2825.
8. GASO. F. 45. Op. 1. D. 228.
9. GASO. F. 55. Op. 2. D. 1128.
10. GASO. F. 643. Op. 1. D. 3995.
11. GASH (Gosudarstvennyj arhiv v g. Shadrinske [State Archive of the city of Shadrinsk]). F. P-257. Op. 2. D. 104.
12. Zaural'skii kraj [Trans-Ural region]. 1915. 21 may.
13. Kitanina T.M. *Vojna, hleb i revoljucija* [War, bread and revolution]. Leningrad: Nauka Publ., 1985. 384 p.
14. Kotek J., Rigulo P. *Lishenie svobody, koncentracija, unichtozhenie. Sto let z'lodejanij* [The camps century: Imprisonment, concentration, and extermination. One hundred years of atrocities.] Moscow: Tekst Publ., 2003. 686 p.
15. Permskaya zemskaya nedelya [Perm zemstvo week]. 1915. 26 fevr.
16. Permskaya zemskaya nedelya. 1916. 24 apr.
17. RGVA (Rossijskij gosudarstvennyj voennyj arhiv [Russian state military archive]). F. 1п. Op. 15a. D. 341.
18. RGVA. F. 1п. Op. 19a. D. 20.
19. RGVIA (Rossijskij gosudarstvennyj voenno-istoricheskij arhiv [Russian State Archive of Military History]). F. 2000. Op. 6. D. 167.
20. Remark Je.M. *Vozljubi blizhnego svoego* [Love your neighbor]. Remark Je.M. *Vozljubi blizhnego svoego. Triumfal'naja arka: Romany* [Love your neighbor. Arch of Triumph: Novels.] Moscow: Lexica Publ., 1993. 734 p.
21. Surzhikova N.V. *Voennyj plen v rossijskoj provincii (1914–1922 gg.)* [Military captivity in Russian province] (1914–1922). Moscow: Politicheskaya jenciklopediya Publ., 2014. 423 p.
22. Surzhikova N.V. *Rossijskij plen 1914–1917 gg. kak prostranstvo politiko-ideologicheskib manipulacij: teorii centra i praktiki periferii. Cahiers du Monde russe* [War captivity in Russia between 1914 and 1917 as a space for political and ideological manipulation: Central theories and peripheral practices. Notebooks of the Russian World], 2012, no. 53/1, pp. 247–266.
23. Surzhikova N.V. *Rossijskij plen 1914–1922 gg.: sociologicheskoe izmerenie (po materialam Urala). Vestnik Rossijskogo universiteta druzhby narodov. Ser.: Istoriya Rossii* [Russian captivity of 1914–1922: sociological dimension (on the materials of the Urals). Bulletin of Peoples' Friendship University of Russia. Series: Russian History], 2012, no. 4, pp. 44–56.
24. Fuko M. *Nadzirat' i nakazyvat'. Rozhdenie tjur'm* [Discipline and Punish: The Birth of the Prison]. Moscow: Izd-vo «Ad Marginem» Publ., 1999. 480 p.
25. Applebaum A. *GULAG: A History*. London: Doubleday Publ., 2003. 677 p.
26. Davis G. *The life of Prisoners of War in Russia 1914–1921. Essays on World War I: Origins and Prisoners of War*. Samuel R. Williamson, Jr. and Peter Pastor, ed. New York: Columbia University Press Publ., 1983. P. 163–197.
27. Hoep G. *Muslime in der Mark. Als das Kriegsgefangene und Internierte in Wünsdorf und Zossen, 1914–1924* [Muslims in the province. POWs and intern-

ees in Wunsdorf and Zossen, 1914–1924]. Berlin: Das Arabische Buch Publ., 1997. 221 p.

28. *In russischer Gefangenschaft: Erlebnisse österreichischer Soldaten im Ersten Weltkrieg*. Hrsg. von Leidinger Hannes; Hrsg. von Moritz Verena [In Russian captivity: The experience of Austrian soldiers in World War I. ed. by Hannes Leidinger; ed. by Verena Moritz]. Vienna; Cologne; Weimar: Bohlau Publ., 2008. 292 p.

29. *Ingolstadt im Ersten Weltkrieg, das Kriegsgefangenenlager: Entdeckung eines Stückes europäischer Geschichte* [Ingolstadt in World War I, the POWs camp: The Discovery of a part of European history]. Ingolstadt: Stadtmuseum Ingolstadt Publ., 1999. 210 p.

30. Koh R. *Im Hinterhof des Krieges: Das Kriegsgefangenenlager Sigmundsherberg* [In the backyard of the war: The POWs camp Sigmundsherberg]. Klosterneuburg: Koch Publ., 2002. 317 p.

31. Nachtigal R. *Kriegsgefangenschaft an der Ostfront 1914–1918. Literaturbericht zu einem neuen Forschungsfeld* [Captivity on the Eastern Front 1914–1918. Literature report on a new area of research]. Frankfurt on the Main: Peter Lang Publ., 2005. 162 p.

32. Otte K. *Das Lager Soltau. Das Kriegsgefangenen- und Interniertenlager des Ersten Weltkriegs (1914–*

1921). Geschichte und Geschichten [The camp Soltau. The POWs and internees camp during World War I (1914–1921). History and stories]. Soltau: Mundschon Publ., 1999. 320 p.

33. Pastor P. *Introduction. Essays on World War I: Origins and Prisoners of War*. Samuel R. Williamson, Jr. and Peter Pastor, ed. New York: Columbia University Press Publ., 1983. P. 113–117.

34. Peter A. *Das «Russenslager» in Guben* [The „Russian camp” in Guben]. Potsdam: Brandenburgische Landeszentrale für Politische Bildung Publ., 1998. 148 p.

35. Rachamimov A. *POWs and the Great War: Captivity on the Eastern Front*. New York: Berg Publ., 2002. 259 p.

36. Treffer G. *Die ehrenwerten Ausbrecher. Das Kriegsgefangenenlager Ingolstadt im Ersten Weltkrieg* [The honorary fugitive. The POWs camp Ingolstadt during World War I]. Regensburg: Pustet Publ., 1990. 336 p.

37. Wiesenhofer F. *Gefangen unter Habsburgs Krone. K.u.k. Kriegsgefangenenlager im Erlaufstal* [Captured under the Habsburg crown. The POWs camp in Erlaufstal]. Purgstall: Wiesenhofer Publ., 1998. 423 p.